

Л е в Г о р д о н

**ЭТО СЛУЧИЛОСЬ
В ЧЕРЁМУШКАХ-
НА ЕНИСЕЕ**

Лев Гордон

**Это случилось в
Черёмушках – на Енисее**

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гордон Л. А.

Это случилось в Черёмушках – на Енисее / Л. А. Гордон —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906980-37-3

«Считать сооружение ГЭС на основных руслах крупных рек жестоким нарушением экологического равновесия и потому недопустимым» (Ф. Я. Шипунов «Оглянись на дом свой»). Книгу Фатей Яковлевича Шипунова предваряет предисловие писателя Валентина Распутина: «Эта книга учёного, но такой науки, которая является надкрышием, причиной и источником для других без исключения – науки биосферного существования. Не часто появляется книга, которую хотелось бы рекомендовать как настольную. Не художественная и не научная, потому что наука разучилась говорить человеческим языком». Основную идею книги Фатей Яковлевич сформулировал так: «На земле возникла инородная биосфере техносфера как совокупность всех технических устройств и механизмов. Вот он Молох, в жертву которому принесена современная жизнь человека». Ф. Я. Шипунов был автором фильма экологического ужаса «Плотина», посвященного Саяно-Шушенской ГЭС, и его оценка Саяно-Шушенской ГЭС в эпоху Перестройки стала канонической. Автор данной книги не согласен с мнением основоположника «науки биосферного существования». Он полагает, что люди, строившие ГЭС, не были злодеями, готовыми погубить человечество. Они знали, что делали и отвечали за свой труд перед Богом и людьми. Об этом автор попытался рассказать языком, максимально приближенным к «человеческому».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906980-37-3

© Гордон Л. А., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Часть первая	6
Если ищешь памятник – оглянись вокруг	6
Пуск первого гидроагрегата (глазами писателя Попова)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лев Гордон

Это случилось в Черёмушках – на Енисее

Часть первая

МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

*Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.
К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься
Мечта прекрасная, ещё неясная
Уже зовет тебя вперёд.*

*«Я был на Иркутской, Братской, Мамаканской, Красноярской
ГЭС. Очень хочется здесь, на Саяно-Шушенской ГЭС, бывать постоянно.
Я завидую и самым первым – первокольщикам, и буду завидовать
последним».*

В.Распутин

Если ищешь памятник – оглянись вокруг

Лет сорок назад Ольга сказала Горину: «Захар, прочитай «Шпиль» Уильяма Голдинга. В те годы они жили «в самой читающей стране» и выписывали десяток толстых литературных журналов. Горин «Шпиль» пропустил, а Ольга обратила внимание. Притчу о Солсберийском соборе, рассказанную У. Голдингом, Горин неоднократно пересказывал в своих опусах про Саяно-Шушенскую плотину. Пожалуй, стоит рассказ повторить и на этот раз. Перед тем, как писать эту главу Захар Ильич заглянул в Интернет, прочитал, что нашёл о реальном Солсберийском соборе, однако, решил придерживаться литературной версии. Текст Голдинга набран курсивом.

На юго-западе Англии в городе Солсбери стоит удивительный собор. Огромное здание собора возведено на зыбучих грунтах-пльвунах без всякого фундамента: в болотистую почву были брошены брёвна, и на этих брёвнах возвели стены. Люди верили, что собор не проваливается в болото благодаря воле Божией. Канонику Джослину, настоятелю собора, в юности было видение: над собором возвышается шпиль, прекрасный «как яблоня в цвету» Возвышается на четыреста футов, «как самая высокая из всех молитв Господу». Джослин уверен, что он избран Богом воплотить шпиль-видение в камне, и шёл к своей мечте много лет. Наконец, наступает его час. Для воплощения своего проекта Джослин приглашает лучшего строителя того времени Роджера-каменщика.

Опытный строитель Роджер сомневается, можно ли построить сто-двадцати трёхметровый шпиль на болоте. *«Наверное, люди считают меня сумасшедшим, – говорит Джослин Роджеру-каменщику. – Сын мой, наш собор – это чертёж молитвы. А шпиль – чертёж той из молитв, которая вознесётся превыше всех прочих. Господь открыл это мне. Он явил видение недостойному служителю своему. Он избрал меня. И тебя Он тоже избрал, чтобы ты превратил чертёж в стекло, железо и камень, потому что сынам человеческим нужно видеть*

это воочию. И ты ещё надеешься уйти? Ты не в моих сетях – поверь. Это Его сети. И замысел, который считают безумным, тоже не мой. Это Божий замысел. От века Бог подвигал дела людей, согласные со смыслом. Это Он предоставил им самим. Пускай покупают и продают, распределяют и владываются. И вот из сокровеннейших глубин доносится глас, который повелевает содейть нечто совершенно бессмысленное: построить ковчег на суше, воссесть на гнощце, жениться на блуднице, возложить сына на жертвенный алтарь. И тогда, если у людей есть вера, рождается нечто новое».

Начинается строительство. Роджер-каменщик видит, как в паводок шевелится трясина в шурфе, вырытом возле стены собора. Он слышит, как поют при ветре от напряжения колонны, и пение это всё громче, чем выше поднимается строящийся шпиль. Роджер-каменщик в ужасе: «Здесь всё для нас внове. Приходится гадать и строить дальше». Много раз пытался Роджер бросить работу. Один за другим бросали и уходили его помощники. Но Роджер был в сетях. Чьи это сети были? Джослина, Бога, жены привратника собора Гуди, которую он полюбил? Собственного любопытства и гордыни, желания построить нечто сверхестественное? Трудно ответить определённо. Но факт остаётся фактом: Роджер-каменщик, опытный строитель, здоровый человек воплощает в камне замысел безумного старика.

Постепенно выясняется, какую цену приходится платить за «самую высокую молитву». Погибает привратник собора, чей отец и дед верой и правдой служили собору. Погибает беременная Гуди Пэнгол, крестница Джослина, чьё смирение и красота освещали собор. Разбита благополучная семья Роджера, когда жена узнаёт об измене мужа. Роджер-каменщик превращается в идиота и пьяницу, раздавленный гибелью любимой Гуди Пэнгол и бременем собора.

Пока идёт стройка, которой одержимы Джослин и Роджер, каноник забросил свои церковные обязанности. В соборе не молятся, в соборе идет стройка. Время от времени каноник получает письма от своей тётки Эвелин. Тётка просит похоронить её в соборе. Но каноник непреклонен: «Грешнице, блуднице не место в соборе». И вот тётка приезжает. Выясняется, что шпиль строится на деньги грешницы. Джослин писал в Рим, просил денег на возведение шпиля. Но из Рима прислали только гвоздь якобы с креста Спасителя. И Джослину ничего не оставалось, как взять деньги у Эвелин. Гвоздь Джослин бережно хранил и мечтал собственноручно забить его у вершины шпиля.

Грех тётки заключался в том, что в молодые годы она была любовницей короля Англии. Услышав очередной отказ племянника похоронить её в стенах собора, тётка рассказала, что не Бог избрал Джослина, а тётка и её любовник. Однажды в постели король спросил тётку, чего она желает. Тётка считала, что у неё всё есть и ей ничего не надо, ибо была в те годы счастлива с королём и потому великодушна: она замолвила словечко за своего племянника. Племянник сделал головокружительную карьеру: из простого послушника стал каноником Солсберийского собора и всю жизнь верил, что карьера его – результат верного служения Богу. Эта вера и успех внушили Джослину мысль об избранности.

С позвоночником, перебитым балкой, упавшей во время строительства, умирающий в муках Джослин узнаёт от тётки, что не

Бог его избрал, а она, грешница и её любовник. Тётка Джослина, женщина умная и скептическая, рассказывая, не злословила, не унижала умирающего. Просто рассказала провинциалу племяннику, как всё было на самом деле. Прозревший перед смертью Джослин начинает понимать что вся его жизнь – «криводушие, нечистая совесть. Ради дела». Но циничная тётка умоляла Джослина верить. Верить в гвоздь, в предназначение, в шпиль. Ибо ей, тётке нужен верующий Джослин и место упокоения под сводами собора. Так же как нужен людям альпинист, штурмующий невесть зачем неприступную стену, как полярник, идущий пешком к Южному полюсу, яхтсмен, пересекающий в одиночку Атлантический океан, вместо того, чтобы перелететь его за несколько часов на самолёте.

Шпиль был построен в 1240 году. Почти восемьсот лет жители Уилтшира и миллионы туристов со всего света, «сняв шляпу», смотрят на «самую высокую молитву» каноника Джослина и Роджера каменщика.

Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо», в одной из своих книг рассказал, что на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков капитул Солсберийского собора, состоявший из людей более здравых, чем Джослин предлагал разобрать шпиль. В качестве эксперта был приглашён сэр Кристофер Ренн, великий архитектор, математик и физик, отстроивший Лондон после великого пожара 1666 года, создатель главного собора Лондона – собора Святого Павла. У Ренна хватило смелости и ума разубедить капитул не разбирать, хотя он видел, что шпиль стоит и не падает вопреки законам механики и канонам архитектуры.

Кристофер Ренн был первым, кто был похоронен в стенах собора Святого Павла. Согласно завещанию, на его могиле написаны слова, которые Горин взял в качестве названия этой главы: «Если ищешь памятник – оглянись вокруг».

«Ты фантазёр, Захар, – сказал один знакомый, прочитав первую книгу Горина о Саяно-Шушенской плотине. – Я знаю почти всех людей, про которых ты написал. Никакие они не герои и не гении. Самые заурядные люди. Как и все ходили на службу и выполняли свою не бог весть какую хитрую работу. А ты умничаешь, разводишь какую-то метафизику». Всё самое главное мы узнаём в детском саду. В детском саду Горину объяснили, что

Бога нет. С тех пор и по сию пору Горин атеист. Но и ему нужен миф, вера в нечто, что требует так называемая душа.

Плотина Саяно-Шушенской ГЭС вдвое выше Солсберийского собора. На неё давит двадцать миллионов тонн воды. Поднялась на двести сорок два метра из наших неурядиц, ошибок, споров. Как написал один из её строителей Сергей Король, стоит «как обелиск на наших силах, нервах и крови». Если рай, вопреки представлениям Горина, существует, и у рая есть ворота, и стоит у ворот апостол Пётр, и требует предъявить пропуск, то можно предъявить плотину.

Пуск первого гидроагрегата (глазами писателя Попова)

Было это давно, примерно тридцать восемь лет назад, а точнее в ноябре 1978 года. Начинающий писатель Валерий Попов, друг великих ныне Сергея Довлатова и Иосифа Бродского в те годы жил скудно. Зачастую голодал. Это сейчас он маститый и знаменитый. Автор тридцати книг, начальник Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель Пен-клуба, лауреат многих премий. Книги его переведены на многие языки мира. Свою скудную жизнь в те годы Валерий Георгиевич вкратце описал в рассказе «Бог хранит меня в дальней бочке».

Однажды начинающий писатель Попов (в дальнейшем «я») пришёл в Дом писателей, и встретил там главного редактора знаменитого тогда в Ленинграде журнала «Аврора» Глеба Горышина.

«Дай три рубля, – попросил я.

То были трудные восьмидесятые годы – они только начинались: сколько мук еще было впереди! Жизнь моя сложилась странно: книги выходили раз в пять лет, и один рассказ в год выходил в журнале «Аврора» благодаря усилиям главного редактора, именно к нему я сейчас обращался. Мой единственный рассказ в год появлялся, как правило, в июне или июле – в эти месяцы, как объяснял шеф, притуплялась бдительность городского начальства.

– Может, говорил я, мне взять псевдоним – Попов-Летний, раз уж так?..

Разговор этот происходил как раз в ноябре, в абсолютно мёртвом для меня месяце... но есть, тем не менее, хотелось ужасно.

Бросать литературу и возвращаться в инженеры было глупо: быть писателем мне нравилось больше».

Итак, в те годы Валерию Георгиевичу ничего не оставалось, как голодать, посещая при этом регулярно рестораны гостиницы «Европейская», ресторан «Восточный», а также знаменитое кафе «Север» и ещё более знаменитое кафе на углу Невского и Литейного.

До того, как стать писателем Валерий Георгиевич (в дальнейшем ВГП) окончил по специальности «Штепсели» (определение ВГП) ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт имени В.И.Ульянова-Ленина, ныне это университет, сохранивший по недоразумению имя Ленина. Шесть лет проработал инженером в конторе, где, как рассказал ВГП в своих книгах, штепселями никто не интересовался. Все разговоры на службе сводились к сплетням и обсуждению телевизионных передач. Непонятно, откуда и как появлялись штепсели.

Автор этого опуса Горин Захар Ильич (в дальнейшем время от времени З.Г.) был в те годы наивным читателем и понимал сказанное в книгах буквально. Будучи на полтора года старше ВГП, З.Г. по возрасту также причислял себя к знаменитому поколению шестидесятников. Посещал изредка «Север» и «Лягушатник». Рестораны гостиницы «Европейская» не посещал. Во-первых, дороговато, во-вторых, понимал, что все эти мраморные лестницы и ангелы на потолке не для него. Понимал, что беспартийный еврей обязан работать от и до. Рожденный ползать летать не должен. Но не голодал. Кормило ремесло. Главное не деньги, главное зарплата, хотя бы в 120 рублей, но ежемесячно.

Горин тоже окончил технический вуз по специальности близкой к специальности «Штепсели». Распределился в отраслевое НПП. Зарплаты на пропитание хватало.

Однако, вернемся к беседе начинающего писателя с главным редактором. До сути разговора мы пока не дошли.

«– Нет! Три рубля я тебе не дам – произнёс мрачный длинный редактор, головой уходящий в самые высшие сферы и видя там нечто кислое, судя по выражению его лица. – Но могу дать триста, – неожиданно улыбнулся он.

– Как?!

– ... Но для этого тебе придётся поехать на Саяно-Шушенскую ГЭС и написать очерк.

– *Согласен!* – воскликнул я.

Деньги я получил в Доме политпросвещения и был поражён не столько суммой, сколько обстановкой – чистые, полупустые коридоры, холёные, вальяжные дамы...наконец-то я пробился наверх! Теперь не надо быть дураком – и эти славные дамочки будут мне отсчитывать такие суммы всегда...

Час назад у меня ещё не было ни гроша. Вот это жизнь!...

Плотина с неба напоминала штабель картофельных ящиков в мрачном ущелье...но штабель огромный. Мы летели над морем за плотиной, оно всё вытягивалось, теперь плотина всё больше походила на хилую затычку в огромной бутылки, вот-вот выскочит, и всё хлынет.

И не бояться! – с восхищением подумал я.

Бросив в номере сумку, я тут же вышел на площадь перед гостиницей и сразу оказался в столовой. Божественный, уже почти забытый запах мяса. Здравствуй, жизнь! Наконец, сыто отдуваясь, я вышел...Я вышел на берег. Да, такой силы я раньше не встречал: широкая гладь Енисея летела с невиданной скоростью...

Автобус всё ближе подъезжал к «штабелю ящиков» – он закрывал не только ущелье, а и небо. То были не ящики, а деревянная опалубка, как выяснил я потом, слившись с жизнью... Автобус мой проехал по грохочущей эстакаде вдоль выпуклого брюха плотины, съехал вбок и остановился у будки. (Небольшое уточнение: со стороны эстакады и будки брюхо плотины вогнутое, а выпуклое – со стороны моря. З.Г). Ребята в заляпанных робах, покорёженных касках, балагурия, пошли внутрь. И я со всеми, куда бы они ни шли! Вот это да... Снова столовая! Но раз так надо! Не известно ещё, что ждёт впереди! Тут, правда, принимались не деньги, а талоны.

– *Откуда такой? Держи!* Корявая рука протянула талончик.

Я почувствовал, как слёзы умиления душат меня... Замечательные люди!..

– *Выйдем-ка!* Сказал мой друг Валера, бригадир бетонщиков, Лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, тридцатилетний крепкий абсолютно хулиганского типа: железная фикса, косая чёлка. – *Сбросим давление!* – скомандовал он, как только мы вышли из бригадного вагончика под хмурое небо. Мы стали «сбрасывать», задумчиво глядя вдаль и вниз.

– *Ну что? Пустите в срок?* – и это лирическое мгновение я хитро использовал для своего репортажа.

В ответ Валера резко повернулся – к счастью, «отключив струю». Благодаря способности яростно есть глазами, он создал, наверное, лучшую на стройке бригаду: даже я почувствовал дрожь.

– *Пустим ли?* – Он презрительно глядел на меня, словно я в чём-то виноват.

– *Пустим, конечно!.. Но как?! А что ты понимаешь в нашем деле? Чего напишешь? А вообще, проговорил он неожиданно примирительно, – если бы знал всю правду, вообще бы не написал!*

Мы вернулись в тепло вагончика, к ребятам... и другой правды мне не надо – достаточно этой».

* * *

Из тридцати книг, написанных писателем Валерием Поповым, Захар Ильич прочитал штук пятнадцать. Был Валерий Георгиевич строг ко всему советскому, однако текст рассказа про поездку на Саяно-Шушенскую ГЭС, пожалуй, самые тёплые слова, которые Горин прочитал в пятнадцати книгах, написанных либералом, фрондёром Поповым про советскую эпоху. Не без ёрничества, конечно: «не бояться», «слёзы умиления», «замечательные люди». Похоже, что впервые за 29 лет жизни писатель встретил людей, которым не скучно на работе. Это радует.

Согласно толковому словарю Ожегова ёрничать – озорничать, паясничать, беспутничать, развратничать. Согласно Википедии ёрничание – сарказм, ирония, язвительная насмешка. Вслед за Довлатовым стиль весёлого рассказа о грустном стал нормой. Более полувека Саяно-Шушенская ГЭС сопровождала жизнь Захара Горина. Вернее Горин в числе многих сопровождал проектирование, строительство и эксплуатацию Саяно-Шушенской ГЭС. Даже написал пару-другую книг ненаучного характера. Про плотину. Так, публицистика, без ёрничества, «на полном серьёзе».

Так повернулась жизнь, что в писатели Горина принимал именно Валерий Попов. Было это в 1992 году. В 1991 году, 10 декабря, в один день, исчезла страна, в которой Горин прожил 54 года и погибла жена, с которой Горин прожил 27 лет. От такого поворота событий Горин перестал быть честным производственным: перестал ходить ежедневно на работу. Однако производства не оголил, стал работать «на удалённом доступе», не выходя из дома. Плакать в жилетку было некому: все родичи свалили кто в Израиль, кто в Германию, кто в Штаты. Остался Захар Ильич в ставшей чужой стране один с престарелой матерью, которая уже не вставала с постели. В Бога он не верил. Для релаксации начал кое-чего писать.

В порядке самоутешения решил записаться в писатели. Документы и справки, требующиеся для приема в писатели, Горин отвёз на Моховую, в помещение редакции журнала «Звезда» писателю Попову. В тот день в редакции кому-то вручали премию Набокова. Перед поездкой для общего образования Захар Ильич прочитал две книги Попова: «Жизнь удалась» и «Любовь тигра». Не понравилась. Ерничает чрезмерно. Спустя годы, прочитав, «Третье дыхание» и «Довлатов», Горин поменял мнение о писателе Попове с отрицательного на положительное. Горин опоздал к назначенному часу, премия была вручена, шла большая поздравительная пьянка. Писатель Попов налил будущему писателю Горину стакан водки. Эта была первая и предпоследняя встреча Захара Ильича с писателем Поповым, ибо Горин писательских собраний не посещал. Бережно положил красненькую книжечку члена Союза в шкаф и этим удовлетворил своё честолюбие.

Не только бригадир Валера понравился писателю:

«Я жил в поселке, в гостинице квартирному типа, километрах в десяти (а точнее в четырёх З.Г) от плотины в одном номере с двумя пусконаладчиками из Ленинграда. Один из них был тощий, другой – толстый. В общем – толком я их не разглядел. Они являлись, когда я уже спал, зажигали в кухне свет, хрипло спорили, что-то чертили на клочках... Только эти клочки оставались от них и ещё стада окурков – ими, как опятами, была утыкана кухня.

Потом они ненадолго засыпали, надсадно кашляя, и почти сразу, как мне казалось, вскакивали.

– О! В темпе давай! Матаня идёт! Спички взял? Беломор? Пошли!

Матаня, дико завывая, заполняла ярким светом прожектора нашу комнату, через минуту с воем уносилась – и больше не появлялась. Ни разу я не сумел прервать блаженного оцепенения полусна, подняться хотя бы на локте и посмотреть: что это за «матаня»? Электричка? Дрезина? Катер? Так это и осталось для меня загадкой.

Там, где раньше волки с-ли, мы проложим магистрали (шутка советских времён). Разгадка тайны «матани» проста. До начала строительства ближайший населенный пункт был в 25 километрах от плотины. За населённым пунктом по имени Майна – глухая тайга, бегали волки. Для снабжения стройки к створу плотины протянули одноколейку. По ней возили не только стройматериалы, но и рабочих. Строго по расписанию электровоз с несколькими вагонами мотался от поселков Майна и Черёмушки до стройки, привозя и отвозя строителей. По сей день по оставшейся со времен строительства одноколейке каждые полчаса ходят туда и обратно уже не электровозы, а трамваи, изготовленные в Ленинграде специально для Саяно-Шушенской ГЭС. С дверями на обе стороны – одноколейка. Бензин нынче дорог, а электричество своё.

Болтаясь по бетонным подземельям станции – и уже начиная соображать, что к чему, я вдруг нарвался на своих соседей: с грохотом и ядовитой пылью они ломали толстую бетонную стену диспетчерской, потом выпускали сквозь пыльную дыру связку серебристых кабелей... коммутационный шкаф, должный красиво соединить все кабели в себе, был отодвинут в сторону, как ненужная мебель.

– Так это ж всё не работает! – радостно объяснил мне тощий, кивая на шкаф. – Бая страна поставляет с разных концов – в результате ничто ни на что не налазит! Без нас, пусконаладчиков, это все железо. Только мы можем гайку диаметром четыре дюйма натянуть на болт диаметром в восемь дюймов. Без нас – всё металлолом!

В номере они появились ночью – и вскоре их унесла «матаня».

* * *

Писатель Попов рассказал не только об отдельно взятых одиночках, работавших днями и ночами. Однако особо тёплые чувства к автору Горин испытал от описания массового совкового психоза – энтузиазма масс по случаю пуска первого гидроагрегата. **ВГП** видел этот «психоз» своими глазами и честно рассказал, как это было.

Берега были забиты людьми на несколько километров от плотины. Была ночь накануне решающего дня, давно намеченного планового срока, странным образом совпадающим с днём рождения Генерального секретаря, хотя нигде это официально не афишировалось: «с культом личности» слава богу, покончили!». Склоны жили. Уверен, что никакой стадион «Маракана» никогда не будет столь громаден и столь радостно возбуждён. Включение должно было произойти около полуночи – чтобы наутро, на завтрак, уже подарить Генеральному новую, самую мощную ГЭС. Все ждали – на ветру в темноте, и думали, мне кажется, не о Генеральном.

И вот по склонам грянуло «Ура!» – вверх полетели каски и матерчатые шлемы. Светящиеся буквы на станции – «Запустим в срок» – вздрогнули и загорелись снова – уже от собственного тока! Были забыты все обиды и ссоры – все были счастливы в этот миг».

* * *

Каково? Аж слеза прошибает. И повёз Валерий Попов очерк про то, что видел своими глазами в редакцию журнала.

– ... Что ты здесь развёл? – Шеф поднял свои усталые глаза от моей рукописи. – Для чего я тебя посылал? (Поехал бы сам). Ты должен был нащупать проблему и о ней написать. Отсюда, из кабинета, ему, конечно, виднее. Без проблем нельзя!

– А на хрена им проблемы? – в сердцах сказал я. – Им лучше без проблем!

Да, понял я, забирая рукопись, никогда мне не вникнуть в иезуитские тонкости комсомольской журналистики. Проблему им подавай!.. Через два месяца премию ЦК ВЛКСМ получил нашумевший очерк Романа Ветрова – что плотина, оказывается, величайшее преступление тысячелетия, и тысячи молодых брошены и обмануты на тех берегах. Я вспомнил те берега... преступлением я бы это не назвал. Вот, оказывается, как надо писать, чтобы премии получать!

Причём премию эту – за разоблачение – вручил тот же самый ЦК ВЛКСМ».

Спасибо, Валерий Георгиевич, за то, что написали про то, что видели своими глазами. Возможно, Шеф, прокатись он сам «на те берега», согласился бы, что искать проблему, там, где была налицо радость ребят в помятых касках, не стоит.

* * *

У внимательного читателя возникает естественный вопрос: что имел в виду бригадир Валерий Позняков, сказав писателю Валерию Попову «если бы знал всю правду, вообще бы не написал!» Не всё увидел ВГП за время своей командировки, не был внутри ГЭС во время пуска, не знал, что было до и что будет после пуска. Однако увидел главное: в те годы, когда почти вся страна днем дремала на службе, а по вечерам плевалась у телевизоров, глядя, как в Кремле где-то под лестницей вручают очередную звезду Генеральному и целуются при этом, были кое-где островки, где были чудачки, которые работали днем, а ночью писали стихи.

Погасла сварка, отгремела сталь,
Не слышно крановых сирен,
Мы делаем газоны и асфальт,
а впереди грязь до колен.

А нас на стройку новую манит, и ждать не надо ордена и лент, ведь всё, что нами создано, стоит, как нам же посвященный монумент.

Это стихи Сергея Короля. Дед, легендарный начальник КрасноярскГЭСстроя, Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии, написавший при помощи журналистки Юлии Капусто книгу «С водой, как с огнём» ни за что не хотел отпускать Короля на Саяны и отразил этот факт в «своей» книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.